Анна НЕТРЕБКО, певица:

Время примадонн прошло

Известия — 2002 — 14 дек — с.1, 8

Обворожительно красивая обладательница изумительного сопрано Анна НЕТРЕБКО нынче редко бывает в Петербурге. Лучшие оперные площадки в разных частях света ждут восходящую звезду. Порой она даже не «успевает зафиксировать, где находится», в сплошной гастрольной лихорадке. Завтра Нетребко споет главную партию в новой постановке «Травиаты» в Мариинском театре. Вихрем ворвавшись с мороза в театральное фойе, поругавшись с хамом-вахтером, Анна тут же успокаивается, серьезнеет, настроившись на разговор по душам с корреспондентом «Известий» Юлией КАНТОР.

— Чего вы ждете от «Травиаты», насколько вам интересна Виолетта?

— Виолетта — одна из самых трудных ролей в оперном репертуаре. И я советую всем певицам, и себе в том числе, сильно подумать, прежде чем браться за эту партию. Мало того, что ее очень трудно петь, ее нелегко и сыграть. Должны быть обязательно две составляющие, причем равноправные в этой партии: вокал и игра. Я уже пыталась петь Виолетту раньше, но мне это не очень удавалось: пела ее в Оперной студии консерватории — на экзамене в консерватории. И позже в Мариинском — в концертном исполнении. После этого решила окончательно и бесповоротно — ни за что больше «Травиаты» у меня не будет! Она написана для более крепкого, вердиевского голоса. Но вот теперь опять пытаюсь. Вроде бы что-то получается. Нынешняя постановка традиционная, она, наверно, понравится любителям классики. Это то, чего все так долго ждали в Мариинке. Бесподобные костюмы, все просто, интеллигентно. Нет модных наворотов. Режиссер убирает страсти, заламывания рук, пафосные движения... Мизансцены тоже очень просты. Он доверяет музыке и внутреннему наполнению ролей, требуя того же от нас. Честно скажу, гораздо проще все делать в движении, «с руками», а когда ты стоишь, имея в запасе только минимум жестикуляции, гораздо больше внутренней работы. Мне очень интересно, это как будто вызов: получится ли? Вообще «Травиата» вредна для голоса.

— Вердиевская музыка считается бальзамом для связок. Почему же «Травиата» вредна?

— Я потеряла голос на третий день репетиций. Партия написана очень плотно. Верди требует эмоционального наполнения — я пару нот «крикну» на эмоциях, и все. Теперь аккуратно работаю.

— Образ Виолетты Валери и в драматическом искусстве, и в музыкальном настолько полон шаблонами и клише, что трудно выбраться из стереотипов, найти что-то свое. Вам это удается?

— Я переболела «Травиатой» давно — ведь все певицы сразу хотят петь Виолетту. Мне когда-то снилась она. Теперь этот период прошел, а ушедшие ощущения нужно вызвать к жизни. Иначе ничего не получится.

— В вашем репертуаре в основном зарубежная музыка...

— Да. Я много пою только западной классики. А поначалу там, на Западе, мне предлагали русскую. Но это не для меня. Не по голосу и не по характеру героинь даже.

— Как относятся западные импресарио к русским певцам? По-прежнему с настороженностью?

— Бесспорно. Например, даже после огромного успеха «Войны и мира» в «Метрополитен-опера» я должна была пройти прослушивание для комиссии, которая решала, могу ли я петь французскую, итальянскую, немецкую музыку. Мне много пришлось пройти, прежде чем меня «приравняли» к европейским певцам. Долго и настойчиво предлагали только русский репертуар. Если бы я была из Европы, такого наверняка не произошло бы. Это не только настороженность, это ревность, боязнь пустить нас на вокальный рынок — русских певцов, причем очень хороших, сейчас все больше в западных театрах, и это вызывает естественную конкуренцию. Не всем она нравится.

— Уходящий год для вас — год Моцарта, это случайность или сами выбирали?

— Само собой получилось. Я спела Донну Анну в Зальцбурге, потом — Сервилию в «Ковент-Гарден». Сразу после этого в Вашингтоне — Илия в «Идоменее» с Доминго. А после «Травиаты» в Мариинке меня ждет «Метрополитен» — буду петь Церлину. Моцарт никогда не надоедает, всегда это радость от светлого гения.

(Окончание на 8-й стр.)

14.12.02

Анна НЕТРЕБКО, певица:

Время примадонн прошло

Известия — 2002 — 14 дек — с.8

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Очень люблю Моцарта. Донна Анна — моя первая серьезная работа в Европе, и было трудно. Режиссер оказался очень «накрученным»: много слов, много патетики в общении с исполнителями. Было примерно так. Режиссер говорил: «Ну, я еще не знаю, что мы станем делать в этом эпизоде, но все очень сложно, все высокоинтеллектуально, все зависит от воображения...» Это вызывало раздражение. А потом я просто подошла к нему и попросила: «Вы скажите, куда ходить, какие мизансцены?» Он страшно обиделся, и я быстренько все перевела в шутку. А потом он все-таки заговорил с нами по-человечески. Все, что я делала, он принял. Вообще петь Моцарта в Зальцбурге — городе, где он родился, интересно. Там чудесная атмосфера, хотя неимоверное количество туристов. Но перед премьерой я старалась не думать, где я, иначе было бы очень страшно.

— Где вы больше всего любите петь?

— Везде, где любят музыку. Легче всего петь в Америке, им нравится практически все. А неимоверно трудно в Италии. Им, наоборот, все не нравится. Когда пел Бергонци, они кричали, что хотят Карузо, теперь всем тенорам они кричат: «Нам нужен Бергонци!» В Италии я петь особо и не жажду.

— Вы играющая певица — считаете, что в любой опере равноценны вокал и драматическое искусство?

— Актерская игра абсолютно не важна в операх бельканто. В таких же операх, как «Свадьба Фигаро», «Дон Паскуале», она первостепенна. Особенно сейчас — время примадонн прошло, теперь нужен полноценный спектакль.

— С Мариинским театром у вас контракт?

— Да, но очень вольный. У меня нет обязательств спеть столько-то спектаклей. Просто когда я нужна моему театру, я приезжаю, если, конечно, есть пауза между другими, запланированными раньше гастролями. Теперь это становится все труднее. За этот год у меня непрекращающаяся обойма спектаклей. Я сегодня заканчиваю петь премьеру в одной стране, а завтра у меня уже репетиция в другой.

— Это не мешает?

— Всему мешает. Мне некогда заняться собой, здоровьем, повидать родственников. Папа приезжал ко мне в Зальцбург, хоть увиделись. Иногда от этой гонки я о музыке, о любви к ней говорить не могу: я ее ненавижу порой. Прямо аллергия возникает. Потом все встает на свои места, любовь возвращается. Но очень хочется отдохнуть.

— Может, имеет смысл отказаться от некоторых контрактов?

— Как я могу отказаться от Зальцбурга, «Ковент-Гарден», Мариинского театра?! Не получается, я же себе этого не прощу.

— Поете вы на тех языках, на которых написаны оперы. А говорите?

— На английском, свободно. Но не пишу и почти не читаю. Итальянский понимаю, естественно, но говорить не могу. Училась в поездках, само как-то получилось. И потом у меня бойфренд говорит на английском, и его предшественники у меня тоже англоязычные. Волей-неволей заговоришь.

— Он американец?

— Итальянец. Мы и познакомились на «Риголетто» в Вашингтоне.

— Вы пели Джильду, а он, надо полагать, Герцога?

— А вот и нет! Он, его зовут Симоне Альбергини, пел Спарафучилле. Для его голоса партия не совсем подходящая — он бас-баритон. Симоне поет Дон Жуана, Фигаро. Он, кстати, моложе меня.

— Человек с вашей карьерой о нормальной семейной жизни думать не станет. Или?..

— А зачем мне она? Я, конечно, дама в возрасте... Мне уже тридцать один... Чем дальше я живу, тем меньше мне хочется связывать себя какими-то узами. Это, может быть, пройдет. Годам к сорока. Там посмотрим. Бойфренда я вижу раз в месяц — где-то встречаемся на гастролях. И нормально. Никто никому не мешает. Детей в принципе хочу иметь, но не сейчас. Мне сейчас так интересно жить самой, что ребенок просто помешает. И прервет весь мой калейдоскоп.

— «Любовь мне неизвестна», — поет Виолетта. А вам?

— Мне? Очень даже известна... Я с моим бойфрендом уже три года. Ни с кем до того я так долго не была... Симоне очень хороший человек, редкостно хороший.

— А кто занимается бытом, если он у вас есть?

— Я недавно купила новую квартиру в Петербурге — теперь надо будет кого-то нанимать. Сама, естественно, я не успеваю. Когда я начинаю переступать через вещи, валяющиеся на полу, я задумываюсь об уборке! У меня есть большая проблема — очень люблю одежду! Мания прямо. У меня в голове две извилины. Так вот та, которая побольше, — «магазинная». А вы думаете, что я такая романтическая, возвышенная натура? Ничего подобного. Романтика давно, еще в школе, улетучилась. До семнадцати лет я много читала, это был такой период накопления. А теперь уже времени нет. Только какие-нибудь журналы листаю.

— А что, кроме магазинов, интересно сейчас для вас?

— Я хожу на все оперы в тех театрах, где пою. Обязательно и с удовольствием... Я заключила контракт с фирмой «Дойче граммофон» — они теперь записывают все, что я пою. Контракт на пять лет. Первый диск записываю в Вене с Венской филармонией в марте — французская и итальянская музыка. И они же снимут фильм «Травиата», я в апреле в Вене буду петь Виолетту.